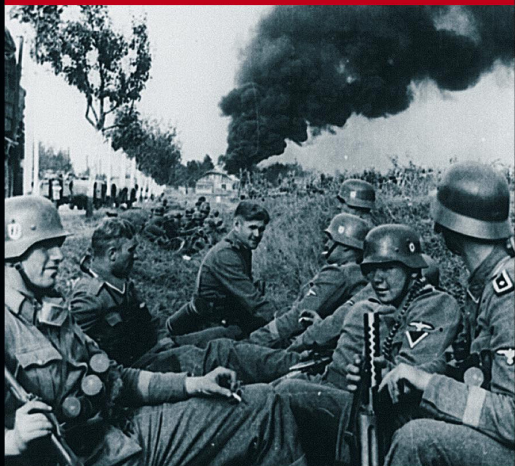

ЗА ЛИНИЕЙ ФРОНТА
М Е М У А Р Ы

Эрвин Бартман

ТЯЖЕЛЫЕ БОИ НА ВОСТОЧНОМ ФРОНТЕ

**ВОСПОМИНАНИЯ ВЕТЕРАНА
ЭЛИТНОЙ НЕМЕЦКОЙ ДИВИЗИИ**

1939—1945

Эрвин Бартман
Тяжелые бои на Восточном
фронте. Воспоминания
ветерана элитной немецкой
дивизии. 1939—1945
Серия «За линией фронта. Мемуары»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=30485030

*Тяжелые бои на Восточном фронте. Воспоминания ветерана элитной
немецкой дивизии. 1939—1945 / Бартман Э., Пер. с англ. В.В.*

Найденова: Центрполиграф; Москва; 2018

ISBN 978-5-227-07778-3

Аннотация

Воспоминания Эрвина Бартмана – откровенный рассказ немецкого солдата о своем участии во Второй мировой войне в составе полка, впоследствии дивизии «Лейбштандарт». Обладая несомненным литературным даром, автор живо и ярко описывает, как проходил жесткий отбор, после которого с восторгом вступил в ряды новобранцев, как шло обучение, о ходе боев и подробностях фронтового быта. Херсон, Мариуполь, Таганрог, Ростов-на-Дону, затем переброска в Нормандию и снова

Восточный фронт – бои в Харькове, под Прохоровкой, последние сражения под Берлином и лагерь для военнопленных – такова география военных дорог Эрвина Бартмана. Бывший солдат признает, что его вожди совершили чудовищные преступления против человечности, однако, подводя итог своей жизни, он с гордостью вспоминает пройденный путь и не жалеет о своем выборе или поступках. Книга снабжена редкими фотоматериалами.

Содержание

Введение	6
Глава 1	11
Глава 2	28
Глава 3	41
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Эрвин Бартман
Тяжелые бои на Восточном
фронте. Воспоминания
ветерана элитной немецкой
дивизии. 1939— 1945

Erwin Bartmann

Für volk and Führer

Серия «За линией фронта. Мемуары» выпускается с 2002
года

*Разработка серийного оформления художника И.А. Озе-
рова*

Введение

Меня зовут Эрвин Вальтер Бартман. Мои родители поженились 14 февраля 1914 года, и этот союз произвел на свет четырех сыновей. Трагедия впервые пришла в их жизнь, когда их первенец, Хуберт, умер от легочной инфекции. Мой брат Хорст родился летом 1920 года, за ним – малютка Гейнц, который в возрасте полутора лет также умер и был похоронен рядом с Хубертом на кладбище Вальдфридхоф в Шлохау¹. Как самый младший из братьев, я знаю Гейнца и Хуберта лишь по фотографиям и из грустных воспоминаний матери.

Из Шлохау мы в 1927 году переехали в Берлин, где мои родители сняли комнату у одной еврейской семьи. Затем отец, который по состоянию здоровья оставил почтовую службу, задумал открыть овощную лавку. Мы поселились в крошечной квартире на Либихштрассе, где он устроил магазин. Каждое утро на скрипучей тележке он возил продукты с рынка на Александерплац, а мать продавала их в киоске на обочине. Бизнес этот, однако, потерпел крах, и отец оставил мечту стать предпринимателем. Чтобы как-то сводить концы с концами, он устроился на работу в бакалейный магазин на Лихтенбергерштрассе и точно так же, как и в ту по-

¹ Ныне Члухув на севере Польши. (Здесь и далее примем, ред.)

ру, когда пытался наладить собственное дело, каждый день рано утром отправлялся на тот же самый рынок на Александерплац, чтобы загрузить тележку овощами и фруктами. В конечном счете ему, однако, удалось сэкономить достаточно денег, чтобы снять двухкомнатную квартиру по адресу Штраусбергерштрассе, 38, в районе Берлина Фридрихсхайн, да к тому же чуть ближе к центру города. В нашу новую квартиру вела железная лестница с потертыми перилами. Туалет находился рядом с лестничной клеткой, и его приходилось делить с тремя другими семьями, в том числе и с еврейской семьей, проживавшей по соседству на той же площадке. В этой семье было две девочки, одна моего возраста, другая – несколько старше. К концу 1929 года отец потерял работу. Чтобы поддержать скудный семейный доход, моя мать, по профессии швея, шила блузки для зажиточных дам и убирала на лестнице. Это давало возможность немного сократить арендную плату.

Я ходил в местную фольксшULE², которая была расположена на противоположной стороне улицы. С самого начала моей учебы там герр Верт, директор школы, был еще и моим учителем в классе. Это был маленький человек, искренне влюбленный в музыку. Он рассказывал нам о своей детской мечте стать музыкантом и всячески призывал не повторять его ошибки. «Всегда следуйте за своей мечтой», – советовал он. Он был всегда бодр и весел и стремился помогать учени-

² Восьмилетняя школа в Германии и Австрии, где давались базовые знания.

кам. Эти его качества не могли не вызывать должного уважения. Во время его частого отсутствия, вызванного необходимостью выполнять официальные обязанности в кабинете директора, дисциплина в классе поддерживалась волонтерами из числа тетушек или матерей учеников, а также угрозой телесных наказаний для любого мальчика, который переступит границы приемлемого поведения.

Вскоре после моего девятого дня рождения к власти в стране пришел Гитлер. Став подростком, я с восхищением наблюдал за отрядом личной охраны фюрера, «Лейбштандартом»³, на улицах Берлина. В черных мундирах и сверкающих касках их ровные шеренги гордо чеканили шаг, – и мое детское сердечко готово было выскочить из груди от радостного волнения.

На улицах и в прессе голос немецкого народа звенел оптимизмом. Все вокруг были счастливы и жили радостными ожиданиями. Мой мир наполняло все возрастающее ощущение уверенности, и мне казалось, что у нас все хорошо и что каждый человек, в том числе и я, очень дороги своей стране. Для молодого жителя Берлина – еще слишком юного,

³ Образован 17 марта 1933 г. как отряд охраны рейхсканцелярии, командир – Йозеф («Зепп») Дитрих. В июне 1933 г. уже 600 чел. – «Специальная команда СС «Берлин». 3 сентября 1933 г. – единая часть «Штандарт Адольф Гитлер». 9 ноября 1933 г., в период празднования 10-й годовщины «Пивного путча», – окончательное название «Лейбштандарт СС Адольф Гитлер». К началу 1935 г. это часть, по штату соответствующая армейскому моторизованному полку, позже – бригада, дивизия.

чтобы проявить интерес к политике, – что могло быть более благородным, нежели стремление присоединиться к элитному формированию «Лейбштандарт СС Адольф Гитлер»? То, что положение отнюдь не было столь идиллическим, как казалось на первый взгляд, мне еще предстояло узнать...

Это отнюдь не рассказ о механизмах войны или о крупных стратегических маневрах. Это моя собственная история – воспоминания юности и о том времени, когда я служил в дивизии «Лейбштандарт». События, которые я описываю, являются переживаниями обычного солдата. С гордостью, во многом, наверное, наивной, я принес присягу Гитлеру и поклялся «быть преданным до самой смерти».

Большинства тех, о ком я здесь пишу, уже давно нет на свете; это товарищи по оружию, которые не раз спасали меня от гибели, это офицеры, завоевавшие преданность своих подчиненных, а также признание горожан и крестьян тех земель, которые мы заняли в борьбе против большевизма. В весьма редких случаях я брал на себя смелость изменить имя, дабы не раскрывать личность того или иного человека. Читателю также следует принять во внимание, что даты, которые я привожу для конкретных эпизодов во время моего пребывания на Восточном фронте, если они не касаются некоторых сугубо личных событий, таких как день рождения, или какая-либо годовщина, или кульминационная дата в календаре, зачастую весьма приблизительны либо взяты из опубликованных источников, таких как серия Рудольфа

Лемана «Лейбштандарт». Обычному солдату из «Лейбштандарта» не разрешалось вести дневник, который противник мог бы использовать ради получения полезных разведсведений. Кроме того, ведение подобных записей вполне могло навлечь подозрения в шпионаже.

В возрасте 88 лет я, если перефразировать известную песню, нахожусь у дверей на небеса. Мне нет никакой надобности искажать правду. Этим я ничего для себя не добыю. Моя цель проста: правдиво рассказать читателю о жизни мальчика, который впоследствии стал солдатом элитной дивизии Гитлера «Лейбштандарт СС».

Глава 1

Дневник идеологической обработки

Суббота, 1 марта 1930 года

В воздухе висел холодный туман, но даже самая мерзкая погода не могла остановить моего отца. Он торопился.

– Мы ведь идем в парк, папочка? – спросил я, иногда переходя на бег, чтобы успевать за отцом.

– Не сегодня, Эрвин. Мне нужно кое-что тебе показать.

Дважды свернув налево, мы вышли к Лихтенбергерштрассе и остановились неподалеку от двери пивной.

– Смотри, – наклонившись поближе ко мне и почти прижав губы к моему уху, сказал отец, – здесь Хорст Вессель проводил политические митинги, здесь собирались его штурмовики!

– А кто такой Хорст Вессель?

– Герой немецкого народа, Эрвин, национал-социалист. Молодой человек, который, как и Иисус, отдал все ради своих убеждений, пока одна коммунистическая свинья не постучалась к нему в дверь и не застрелила его.

Мы продолжили путь к центру Берлина, влившись в мощный поток людей, направляющийся к Бюловплац. Кто-то напевал коммунистический гимн – Интернационал.

– Красивая мелодия, папочка!

– В коммунизме нет ничего красивого, сынок.

Мы вышли на Бюловплац и увидели здание Коммунистической партии, а на нем – лозунги, написанные огромными буквами. Вскоре пение заглушили язвительные выкрики и насмешки. Началась перебранка.

– Что происходит, папочка?

Отец повысил голос, чтобы я мог расслышать его на фоне общего шума:

– Сегодня день похорон Бесселя. Я не ожидал, что здесь будет так шумно, должны были запретить всякие сборища и флаги. Должно быть, эти коммунистические головорезы снова хотят всех взбаламутить.

На противоположной стороне улицы полицейские в сверкающих черных кожаных касках изо всех сил пытались сдерживать рвущихся в драку противников, пока мимо проезжал кортеж, во главе которого шел отряд оркестрантов, играющих траурную музыку.

– Папочка, а кто эти люди в коричневых рубашках?

– Почетная охрана, Эрвин, люди из СА, штурмовых отрядов Гитлера. Эх, заткнуть бы глотку этим коммунистическим идиотам. Мы тогда смогли бы услышать музыку!

Катафалк, который тянула упряжка лошадей, укрытых

черными мантиями и украшенных черными перьями на головах, медленно катился за колоннами штурмовиков. Внезапно в кортеж полетели вырванные из мостовой булыжники. Женщины в ужасе закричали, когда демонстранты провалились через полицейский кордон и бросились на людей СА в попытке захватить гроб. В толпу, размахивая дубинками, врзалась полицейская кавалерия. По улицам, визжа шинами, носились бронемашины. Я притаился в дверном проеме за спиной отца. Мы дождались, пока полиция восстановит порядок.

– Теперь, сынок, ты и сам видишь, что за люди эти коммунисты. Это предатели и хулиганы, которые несут на наши улицы только разруху и хаос. Они не успокоятся, пока не разрушат жизнь каждого из нас.

Хотя во время похорон Хорста Весселя мне было всего шесть лет, я вспоминаю события того дня с абсолютной ясностью – страх глубоко выжег в моей памяти картины всеобщего хаоса на улицах Берлина.

Лето 1930 года

По пути домой из Фридрихсхайна, парка, расположенного недалеко от нашей квартиры, мы немного отклонились, чтобы присоединиться к толпам, заполнившим тротуары на Палисаденштрассе. Зеваки вытягивали шеи или стояли на цыпочках, чтобы получше рассмотреть, как марширующий

отряд СА поет знаменитую «Die Fahne Hoch» («Пусть выше будет знамя»). Слова песни написал Хорст Бессель, и, переложенная на народную мелодию, она стала нацистским гимном.

— Постоим здесь немного, — сказал отец, — но только смотри, веди себя тихо.

На противоположной стороне дороги стояла женщина, которая жила в квартире над нами. Когда шеренги штурмовиков подошли поближе, я махнул рукой, чтобы привлечь ее внимание. Она ответила на приветствие, а потом, к моему удивлению, повернулась спиной и задрала вверх юбку. Раздались взрывы смеха, когда она стянула вниз панталоны и выставила напоказ все прелести, которые всякая женщина должна беречь от посторонних глаз. Она совершила большую ошибку. Она тщетно пыталась вырваться, когда ее подхватили под руки два дюжих штурмовика, а их товарищи принялись лупить ее обнаженную плоть, которая быстро покрылась красными пятнами.

— Сама напросилась, — заметил отец.

Спустя несколько дней после этого инцидента с женщиной один ярый коммунист зашел в нашу квартиру, чтобы продемонстрировать моей матери фиолетовые синяки от рук штурмовиков СА.

Понедельник, 30 января 1933 года

В стране стал править Гитлер, которого президент Пауль фон Гинденбург назначил рейхсканцлером. В тот вечер я, мои родители и мой брат Хорст находились на Унтер-ден-Линден, на углу Вильгельмштрассе, чтобы стать свидетелями факельного шествия от Тиргартена до рейхсканцелярии, ныне официальной резиденции Гитлера, через Бранденбургские ворота. Все началось поздно вечером и продолжалось до утренних часов следующего дня. Хотя это происходило в разгар зимы, не припомню, чтобы я хоть капельку замерз, наблюдая за тем, как штурмовики СА и ветераны войны – члены правой организации «Штальхельм» («Стальной шлем»)⁴ – гордо маршируют, вздымая свои знамена. Позади них шли колонны факельщиков и оркестры, играющие военные марши. Все зрители широко улыбались. Полицейские, тесными рядами оцепившие улицы, смеялись и не давали восторженной толпе прорваться к участникам шествия. Шум волнами нарастал, в ушах зазвенело, и вскоре я слышал лишь одно могучее:

⁴ Stahlhelm (нем.) – реваншистская милитаристская организация, созданная рейнскими монополиями и прусским юнкерством в ноябре 1918 г. после поражения Германии в Первой мировой войне. В 1928 г. насчитывал около 1 млн чел. После прихода к власти Гитлера «Стальной шлем» слился со штурмовыми отрядами.

– Хайль! Хайль! Хайль!..

Мать ненадолго отвернулась от зрелища и пристально посмотрела на меня. Ее серо-голубые глаза заблестели в факельном свете. Она улыбнулась, слегка сжав мою руку. Я тоже коснулся ее руки и улыбнулся, как бы говоря, что тоже чувствую всю важность этого момента. Мы вместе подняли правые руки и присоединились к всеобщему скандированию:

– Хайль! Хайль!..

После парада мы присоединились к ликующим зрителям, собравшимся на Вильгельмплац, прямо перед рейхсканцелярией, и дружно кричавшим:

– Хотим видеть нашего фюрера!

Гитлер появился в освещенном прожектором окне на первом этаже (в то время в рейхсканцелярии еще не было балкона) и ответил на зов народа характерным жестом поднятой и отброшенной назад правой руки.

Казалось, настроение всего города изменилось к лучшему. Впервые стало безопасно на улицах, можно было не бояться того, что насилие захлестнет целый район.

Повседневная жизнь превратилась в упорядоченную трудовую рутину. Я конечно же не обратил никакого внимания на то, что Гиммлер объявил о необходимости строительства концентрационных лагерей по всему рейху для умиротворения немецкого населения. Какое мне было дело, если туда сажали марксистов, уголовных преступников или гомосек-

суалистов? Кто мог тогда вообще предвидеть, не говоря уже о девятилетием мальчике, что это лишь первый шаг к ужасам лагерей смерти?

Весна 1934 года

По мере того как Гитлеру сопутствовал успех, на улицах появились мальчики в аккуратных шортах и рубашках. Некоторые ездили на велосипедах, у которых к рулю были прикреплены картонные таблички с призывом вступать в «юнгфольк»⁵. Вскоре пошли слухи, что состоящие в этой организации (сокращенно DJ) мальчишки ездят на выходные в лагеря, где занимаются спортивными играми и смотрят кино. Очень скоро большинство мальчиков старше 10 лет из моего класса вступило в «юнгфольк», а некоторые еще состояли в организации социалистической рабочей молодежи (SAJ)⁶, эквиваленте «юнгфолька» левого толка. Эти две организации во многом предлагали аналогичные занятия, но «юнгфольк» был организован все-таки лучше, и, в отличие от SAJ, который, по сути, являлся рабочей организацией, в него входили мальчики из всех слоев общества, от фольксшуле до гимназии. Социальный класс больше не являлся ба-

⁵ «Ю н г ф о л ь к» (Deutsches Jungvolk – DJ) – младшая возрастная группа организации «гитлерюгенд», в которой состояли мальчики от 10 до 14 лет. Члены организации именовались пимпфами.

⁶ Sozialistische Arbeiterjugend (SAJ).

рьером для товарищества, и знакомый мне к тому времени лозунг скандировали абсолютно все: «Один народ, один рейх, один фюрер».

Отец с матерью искренне одобрили мое вступление в «юнгфольк».

– Для молодежи гораздо лучше и полезнее состоять в какой-нибудь организации, нежели бесцельно шататься по улицам, – напутствовали они меня.

Одна из первых вещей, которая поразила меня, когда я стал членом этой организации – а в то время участие было добровольным, – это то, что мне предоставили определенную степень свободы и доверия, которые заставили меня почувствовать себя взрослым и ответственным за собственные поступки. Вообще, инструкторами здесь были старшие мальчики. Юность же ценилась сама по себе, что было прекрасно.

Летние выходные были полны разных приключений, и проводили мы их в лесах вокруг Берлина. Над лагерем всегда развевался флаг «юнгфолька», на котором, словно яркая вспышка молнии на черном небе, красовалась угловатая белая «зигруна» – символ победы.

Я всегда с нетерпением ждал «Битвы флагов», своего любимого развлечения. Это было соревнование между конкурирующими группами «юнгфолька», зачастую из различных округов Берлина. Цель состязания была весьма проста – захватить флаг соперника. Но выполнение такой с виду про-

стой задачи требовало навыков стратегического планирования. Разумнее ли было оставить самых высоких и крепких мальчиков для охраны знамени и должны ли они возглавить вылазку в лагерь соперников? И кто среди нас лучше проявил себя как вождь? Я уверен, что инструкторы следили за подобными вещами, но вместе с тем понимал, что все заключалось в чисто физической активности, и зачастую наши игры выливались в довольно жесткие схватки. Нередко я возвращался домой в воскресенье вечером с ушибами – метками чести, гордо показывая их родителям как доказательство того, что и я внес свою лепту в победу. В моих наивных юношеских глазах такие события казались не чем иным, как интенсивными спортивными занятиями. Не было никаких тренировок с оружием, и поэтому мне и в голову не приходило, что это, по сути, подготовка к суровой службе в вооруженных силах.

Барабаны, флаги и походы были нашими постоянными спутниками в «юнгфольке», но я ни о чем не задумывался, когда мы неустанно носились по залитым солнцем лесным тропинкам и маршировали через деревни, приковывая взгляды восхищенных зевак. Мы радостно пели *Die Fahne flattert uns voran* («Знамя ведет нас вперед»). А то, что путь, на который я гордо ступил, мог разрушить все то, чем я дорожил, я осознал намного позже. Тогда же я совершенно не задумывался о чем-то серьезном и смотрел на мир через розовые очки.

В наши дни можно прочесть, что такие организации, как «юнгфольк», сознательно ожесточали немецкую молодежь. Действительно, занятия в этих лагерях помогали укрепить физическую силу, дисциплину, лояльность и повиновение, мы учились проявлять уважение к женщинам и быть готовыми умереть за свою страну. Но точно такие же признаки описаны Баден-Пауэллом в его книге «Scouting for Boys» («Скаутство для мальчиков»), изданной в 1909 году, где обычные мальчишки становятся центром внимания всей Британской империи. Это просто знамение времени, в котором мы жили.

Все, чем мы занимались в качестве членов «юнгфолька», встречало искреннее участие наших родителей. Это делалось с одобрения государства, рейха. Сильного государства, по которому немцы давно соскучились и которое нашло место для каждого «истинного» немца. Наши родители были членами партии Гитлера, Немецкой национал-социалистической рабочей партии (НСДАП), или нацистской торговой организации, Немецкого рабочего фронта (DAF), либо и той и другой. Поощряемые властями, наши матери занимались полезной социальной работой на благо местной общины. Так, моя мама, напевая народные мелодии, шила флаги, которые украшали горны моего отряда DJ. Раз в месяц, в воскресенье, мой отец собирал «антопф-дотации» (деньги, сэкономленные каждой семьей за счет приготовления густо-

го супа и идущие на жертвоприношения нацистской партии)⁷ у жителей квартир дома номер 38 по Штраусбергерштрассе. Мы же, молодежь «юнгфолька», были просто другой частью этой мозаики.

Лето 1936 года

В берлинских парках и на улицах вызывающий английский язык богатых американцев смешивался с оживленной болтовней итальянцев. В магазинах после ухода французов в воздухе сохранялся притягательный аромат изысканных духов. Цветочные корзины на фонарных столбах и балконах центральной части города сверкали всеми красками радуги. Общественные здания украшали длинные алые полотнища с черными свастиками внутри белых кругов. Берлин представлял собой захватывающее зрелище, и жизнь была здесь ключом.

В один из таких дней мы с братом Хорстом направились к Нойе-Вахе, зданию в классическом стиле, построенному в

⁷ «Eintopf» – дословный перевод: «одна кастрюля», то есть блюдо, приготовленное в одной кастрюле. Появилось в начале XX в. Национал-социалисты популяризировали термин «Eintopf» и идеологизировали его. Они придали этому ежедневному блюду символически преувеличенное значение и присоединили его к понятию народного единства. В 1933 г. было введено Eintopf-воскресенье. Всех бюргеров заставили заменить традиционное мясное блюдо на Eintopf и сэкономить таким образом деньги передавать в пользу Winterhilfswerk (Зимней вспомогательной службы).

память о немецких солдатах, которые отдали свою жизнь во время Великой войны.

– Эй, ребята, вы что тут делаете?

Не обращая внимания на возгласы, Хорст протолкнул меня через толпу туристов, собравшихся посмотреть на смену караула. Чувствуя на плечах руки старшего брата, я пристально наблюдал за тремя солдатами из «Лейб-штандарта». Они приближались. Облаченные в безупречные черные мундиры, в белоснежных ремнях и перчатках, они всем своим видом внушали почтение. Турист, стоявший рядом со мной, вытащил карманные часы, одобрительно кивнул и заметил:

– Точно вовремя.

Остановившись всего в нескольких метрах от нас, солдаты из «Лейбштандарта» энергично повернулись и промаршировали в направлении двух часовых, ожидающих смены. Смена караула – с моей точки зрения, невероятно сложная – прошла безукоризненно.

– Хорст, как ты думаешь, мог бы я когда-нибудь попасть в «Лейбштандарт»?

– Тебя возьмут, если только ты высокого роста. И если пройдешь очень строгий медосмотр.

– А я пройду медосмотр?

– Сомневаюсь, Эрвин, ведь шрамы от твоей операции после аппендицита полностью не зажили. Ты ведь даже пропускал уроки плавания в школе, – ответил Хорст. А потом потрепал меня по плечу. – В «Лейбштандарт» принимают

только самых высоких и самых крепких.

В день открытия Олимпийских игр мы с другими учениками моего класса – как часть огромного хора из 3000 учащихся берлинских школ – путешествовали по городу, и я надеялся внести собственный вклад в важное историческое событие.

Мы заняли места на великолепном новом стадионе, на противоположной стороне арены, с которой Гитлер должен был объявить об открытии игр. В самых важных местах группы операторов готовились впервые в мире вести прямые телерепортажи главного спортивного события. Когда до заветных 16:00 оставалось совсем немного, на больших каменных пьедесталах, установленных по обе стороны от Марафонских ворот, затрубили горнисты. Взволнованный шум ста тысяч глоток разом стих, превратившись в едва слышный шепот. Ровно в 16:00 под шумные аплодисменты на стадион въехал Гитлер. Все встали, чтобы получше рассмотреть фюрера. Даже иностранные гости, как будто ведомые той же невидимой силой, которая управляла нами, немцами, взметнули правую руку вверх в характерном нацистском приветствии.

На беговой дорожке стояла девочка 6 или 7 лет в белом летнем платье. Когда к ней подошел Гитлер, ее загорелая на солнце ручка взметнулась вверх. В левой руке она держала букет цветов. Когда Гитлер нагнулся, чтобы при-

нять цветы, девочка вежливо поклонилась. Затем под звуки «Deutschland Leid» и «Die Fahne Hoch» Гитлер и приглашенные гости уселись на свои места на отдельном балконе. Стадион ненадолго погрузился в тишину, а потом голос в громкоговорителе объявил: «Поднять флаги», и вдоль высокой стены по наружной окружности стадиона были подняты флаги стран-участниц под величественный перезвон специально отлитого к этому случаю олимпийского колокола. Словно призыв к молитве, это, казалось, требовало подчинения чьей-то великой воле. В знак очередного подтверждения своей верности мы искренне ответили:

– Зит хайль... Зит хайль!

И эти слова, резонируя в чаше огромного стадиона, слились в единый хор приветствия нашего фюрера.

Одна за другой, в красочной процессии, на беговой дорожке под звуки прусского марша выстраивались национальные команды. Команду спортсменов каждой страны-участницы вел знаменосец, опуская флаг напротив балкона, где стоял Гитлер. Исключение составили лишь американцы, флаг которых ни разу не опустился, а члены команды вместо приветствия сняли свои соломенные шляпы и прижали их к груди. Такая дерзость вызвала недовольство толпы, приветствия которой резко сменились на неодобрительное бормотание.

После речи председателя Олимпийского комитета Гитлер, как и положено, объявил Игры открытыми. После артилле-

рийского салюта в небо были выпущены тысячи голубей, которые, покружив над Марафонскими воротами, растворились в летнем голубом небе. Эти чудные голуби являли собой символ мира, но мира невероятно хрупкого. Пройдет совсем немного времени, и этот мир рухнет, а большая часть Европы погрузится в сумрак войны. Все это навсегда изменит мою жизнь.

Сводный хор запел Олимпийский гимн Рихарда Штрауса, и я тоже пел, пел от всего сердца, гордый тем, что я немец...

И снова наступило томительное ожидание, когда взоры всех присутствующих обратились к ступеням у главного входа на стадион, чтобы засвидетельствовать то, что в будущем станет олимпийской традицией. Там с олимпийским факелом в руках появился Фриц Шильген, популярный немецкий атлет, образец арийской мужественности. Под приветственные возгласы Шильген спустился вниз, к беговой дорожке. Он элегантно миновал балкон фюрера, взбежав по ступеням вверх, к чаше, расположенной над Марафонскими воротами в западной части эллиптического стадиона.

Достигнув цели, Шильген поднял руку с олимпийским факелом. Увлеченные церемонией, мы сидели, раскрыв рот, и молчали. Когда Шильген опустил факел и зажег пламя, которому предстояло гореть в течение всех Игр, напряженная тишина взорвалась восторженными аплодисментами.

Стадион еще раз накрыла тишина, когда немецкий чемпион по тяжелой атлетике, Рудольф Исмайр, схватил уго-

лок олимпийского флага, чтобы дать олимпийскую клятву. Этот акт напомнил присягу тевтонских рыцарей, о которых я узнал в школе. Затем под великолепный припев из «Аллилуйи» Генделя команды покинули арену через Марафонский туннель. Завершение церемонии открытия мюнхенских Олимпийских игр выдалось настолько замечательным, что стало образцом для последующих. Этот день останется в моей памяти до самой смерти. Когда я покидал стадион, то не сомневался, что живу в лучшей стране в мире. Толком не осознав, что произошло, я целиком подчинился духу времени, возвращенному фюрером.

Входные билеты стоимостью около двух – пяти рейхсмарок были слишком дороги для того, чтобы наша семья могла посещать соревнования на Олимпийских играх. Однако по всему Берлину были организованы телевизионные комнаты (в Германии появилась первая в мире общественная телевизионная вещательная служба), доступ в которые был свободный – по бесплатным билетам. Едва узнав о доступности таких билетов, отец тут же отправился в почтовое отделение на Палисаденштрассе, где был оборудован ближайший к нашей квартире зал телевещания.

– У нас проблема, – сообщил отец с озабоченным видом, когда вернулся домой. – Мне удалось достать лишь три билета, и они дают право на просмотр зрителям не младше четырнадцати лет.

– Я присмотрю за Эрви, – предложила мать. – Отправляйся с Хорстом.

– Нет, погоди-ка, папа, – попросил я.

У меня появилась одна идея, и я исчез в спальне родителей. Когда я вернулся, то на мне были длинные брюки брата.

Мать засмеялась:

– Эрви, тебя никуда не пустят в таком виде.

– Но все же стоит попробовать, – подмигнул мне Хорст. – Он ведь достаточно высок для своего возраста.

Когда мы подошли к двери почтового отделения, чиновник с серебристой бородой и усами взял у меня билет и нагнулся вперед, чтобы посмотреть мне в глаза. Затем с кривой улыбкой он кивнул и взъерошил мне волосы большой грубой рукой, от которой пахло свежим табаком.

Ведомые толпой, мы зашли в затемненную комнату, где на полке, высоко у стены, стоял телевизионный приемник. Мы ждали в тишине, пока техник, встав на табурет, крутил ручки управления. Когда на экране появилась картинка с олимпийского стадиона, раздался всеобщий вздох облегчения. И мой отец удовлетворенно объявил:

– Какое же чудо дал Гитлер немецкому народу!

Глава 2

Ученик

В течение моего последнего года в школе, два раза в неделю, первый урок проводился в зале округа евангелистской церкви Воскресения, где мы изучали Библию в подготовке к церемонии конфирмации 1938 года. Я и еще около двадцати других учеников стали зарегистрированными членами конгрегации, в которой старостой служил мой отец. В конце месяца я покинул школу, чтобы занять свое место в мире труда.

* * *

– Твоему деду было хорошо там работать, – объявила мама, склонившись над раковиной, – значит, и тебе будет неплохо.

– Но в школе мне нравилось мастерить из дерева. У меня к этому были способности, – запротестовал я. – Ведь Хорст – плотник, и если ему хорошо...

Мама оторвалась от тарелок, выпрямилась и, уперев мокрые костяшки пальцев в бока, резко развернулась, словно русская балерина.

– Ты мне дерзишь, Эрви. Посмотри на своего дедушку. Он работал пекарем больше сорока лет и все еще здоров и

неплохо выглядит. – Она пригрозила мне пальцем. – Больше такого не потерплю! Пекарское дело – достойное занятие. И ты никогда зимой не замерзнешь, если устроишься в ту пекарню на Мемелерштрассе. Это совсем недалеко. На велосипеде ты доберешься туда за десять минут. Подумай о деньгах, которые ты сможешь сэкономить на оплате за электричку. Ох, чуть не забыла! Тот добрый польский господин наверху предложил отремонтировать твой велосипед, да еще и покрасить, чтобы он выглядел как новый!

Пятница, 1 апреля 1938 года

Подчинившись наставлениям матери, я ровно к 6:00 утра явился в пекарню Глазеров. Фрау Глазер, невысокая полная женщина с румяными щеками, смерила меня взглядом.

– К тебе новенький! – крикнула она через плечо.

В дверном проеме из-за прилавка появился сам герр Глазер, крупный, плечистый мужчина с широким лицом.

– Ах, Эрвин! Хорошо, ты как раз вовремя. Я отведу тебя в подсобку, чтобы ты познакомился с Фрицем. Будете работать вместе. Он хороший парень и тоже только что окончил школу.

Я проследовал за господином Глазером в коридор.

– Рядом с входом в пекарню дверь в мою гостиную. И хорошенько запомни то, что я сейчас скажу: дверь в пекарню справа, а туалет – в дальнем конце коридора. Не перепутай,

какая дверь куда ведет, — добавил герр Глазер.

В подсобке радиоприемник надрывался от военных маршей. Герр Глазер подвел меня к груде 50-килограммовых мешков с мукой.

— Только что с мукомольного завода, — с довольным видом проговорил он, хлопнув широкими ладонями. В воздух полетело облако белой пыли. — Ну-ка, давай, — многозначительно кивнул он мне и ткнул пальцем верхний мешок, — подними-ка вот этот.

Ухватив мешок обеими руками, я потащил, но смог сдвинуть его всего на несколько сантиметров.

— Не волнуйся — скоро твои родители получают более крепкого Эрвина, — хрипло засмеялся господин Глазер. — Я-то сам не могу ничего таскать, старые ноги подводят...

После знакомства с Фрицем я чистил противни, а он замешивал следующую партию теста.

— А что, у хозяина и в самом деле что-то с ногами? — спросил я.

— Трудно сказать, но он никогда не берется за тяжелую работу, — ответил Фриц.

— А почему он все время напоминает мне про двери?

— Да это все весна, Эрвин! Когда становится потеплее, ему нравится трахаться в гостиной. А его дочь спит вместе с нами в одной спальне. Вот и получается: где же ему этим еще заняться? Только бы он не разбрасывал свои презервативы в туалете...

Четверг, 10 ноября 1938 года

Проработав почти восемь месяцев учеником пекаря, я ненавидел каждый поворот педалей своего велосипеда, когда в полнолуние снова спешил в пекарню, чтобы провести там очередной занудный день.

Господин Грюнфельд, еврейский мясник, был точен, как хронометр, но в то утро на Палисаденштрассе его почему-то не было видно. Может быть, в этот день я опоздал? Людей на улицах было больше обычного. Боясь, что проспал, я сильнее надавил на педали...

Въехав на Франкфуртер-аллее, я заметил толпу, собравшуюся у обувного магазина Лейзера. Я замедлил ход, чтобы получше рассмотреть происходящее. Зрители молча наблюдали, как горстка людей сидела на обочине, примеряя сверкающие новенькие ботинки из сваленных вокруг коробок.

– Будь осторожнее, сынок, – предупредила меня одна из женщин, стоящих на краю тротуара. – Они разбили витрину, и повсюду рассыпаны битые стекла.

Я надавил на тормоза, остановив велосипед.

– А что случилось?

– Это худший вид воровства, – громко ответила женщина, чтобы ее слышал мужчина, примеряющий пару украденных ботинок, – мародерство.

– Они сами напросились, – огрызнулся мужчина. – Эти

евреи – а многие из них убийцы – они возомнили, будто могут убивать немецких дипломатов где угодно. Сначала это был Густлофф в Давосе в 1936 году, а теперь вот Рат в Париже – ну ничего, пора им показать, кто хозяин в Германии.

– Но ведь это полный идиотизм, – возмущалась женщина, – если дипломатов и в самом деле убили сумасшедшие, оказавшиеся евреями, разве это делает виновными всех евреев?

Хотя из сводок новостей люди узнавали о многих других примерах народного гнева в Германии и Австрии, я лично был свидетелем лишь еще одного инцидента. Позже в тот же день, возвращаясь домой после посещения торгового колледжа на Фридрихштрассе, я проезжал мимо Новой синагоги на Ораниенбургерштрассе. Главная дверь была обуглена, что было явным свидетельством попытки поджога. Однако никаких других следов или повреждений на здании не было.

Прощай, детство!

К моему пятнадцатому дню рождения – 12 декабря 1938 года – я уже достаточно окреп, чтобы поднимать тяжелые мешки с мукой, не съеживаясь от одной только мысли, что придется это делать. В тот день герр Глазер с важным видом объявил, что теперь мой рабочий день увеличен и теперь – за исключением субботы – я должен с 18:00 до 21:00 чистить противни и готовить тесто для замеса на следующее утро.

Вообще чистка и уборка, как я выяснил, являлись очень важной частью работы в немецкой пекарне.

Как 15-летний юноша, я официально перешел из «юнг-фолька» в «гитлерюгенд», но из-за долгих часов работы в пекарне был избавлен от необходимости посещать частые митинги. Однако с меня взимали такие же членские взносы, как и с прочих участников, и поэтому я был своего рода почетным членом организации. Стоит к этому добавить, что я крайне отрицательно относился к тому, что моя работа в качестве пекаря, по сути, не давала мне возможности стать активным членом «гитлерюгенда». Когда я состоял в «юнг-фольке», то участвовал в певческих конкурсах и спортивных состязаниях в летних лагерях с командами других регионов Германии. Однако по закону я был обязан являться в контору Немецкого рабочего фронта, нашего профсоюза. Ежась от холода в длинной очереди ожидающих регистрации, я неожиданно познакомился и разговорился с Робертом Леем, министром труда, и посетовал на свои бесконечные часы, которые проводил в пекарне.

Пробормотав что-то о ценности каждого рабочего, он нечленораздельно, заикающимся голосом произнес:

– Все должны упорно трудиться. Германии нужен хлеб. Ты должен быть доволен своей работой.

Неспособный трезво смотреть на мир, Лей, как всегда, выглядел несколько потрепанным.

Ходили слухи, что его заикание стало результатом ране-

ний, полученных после жесткой посадки самолета во время Первой мировой войны. Но я лично считал, что всему виной была все-таки непомерная тяга к спиртному. Я с удивлением и даже некоторым смущением наблюдал, как, усевшись на заднее сиденье своего государственного автомобиля, он достал из кармана флягу и отпил из нее. Эта случайная встреча оставила в моей душе довольно плохое впечатление об одном из представителей нашей политической элиты.

В апреле следующего года господин Глазер отметил завершение моего первого года в качестве ученика, увеличив мой рабочий день.

– В субботу ты по-прежнему полностью свободен, – сказал он с усмешкой, – но по воскресеньям ты должен будешь являться сюда к 10:00, чтобы разогреть печи.

Я вкалывал целую неделю ради краткой передышки в субботу, которая маячила передо мной, словно морковка для ослика. Работа доминировала над всей моей жизнью, оставляя слишком мало времени, чтобы помечтать о том, что занимает голову мальчика, вступающего в пору возмужания...

Пятница, 1 сентября 1939 года

После влажной и душной ночи, когда толком поспать не удалось, я уже исправно крутил педали. Потная рубашка прилипла к спине. Небо было темным, и казалось, вот-вот грянет гром. Неохотно переступив порог двери, ведущей в

пекарню, я распахнул ее пошире, надеясь, что ветерок хоть немного ослабит жар от печей. Но не было даже намека на ветер. В желтом свете электрических ламп в воздухе висел туман из мучной пыли. Как обычно, мой рабочий день начался с мешка булочек на плече и длинного списка адресов, по которым эти булочки нужно было развозить. Для этих булочек были предназначены сумки, висящие на ручках дверей наших клиентов. Что касается меня, то это была долгожданная отсрочка от духоты и жара внутри пекарни. Только в этот момент я вдруг заметил, что из открытого окна квартиры в доме номер 52 по Мемелерштрассе, Доме переплетчиков, как его называли, не слышно обычной перебранки. Кругом стояла зловещая тишина...

Я вернулся к себе в пекарню. По радио передавали какую-то музыку. Следуя примеру Фрица, я разделся до пояса и помог ему замешать новую порцию теста. Вдруг радиопередачу прервали звуки фанфар. Это был явный признак того, что будет сделано какое-то важное сообщение. Мы остановили работу и подошли поближе к радиоприемнику. Ранее тем же утром Гитлер выступал перед немецким парламентом с речью, в которой сообщил, что наши войска начали боевые действия в Польше. Закончил он свое выступление декларацией:

– Нас поддержат наша несокрушимая воля и немецкая сталь.

Фриц покачал головой.

– Я знал, что так и будет, – вздохнул он.

В те выходные Великобритания и Франция объявили войну Германии.

В понедельник утром я, как обычно, помахал еврейскому мяснику на Палисаденштрассе.

– Доброе утро, господин Грюнфельд! – крикнул я.

А тот сквозь свою длинную выющую седую бороду проворчал:

– Гм... Доброе-то доброе, да только не для нас, евреев...

Декабрь 1939 года – весна 1940 года

Сразу после моего шестнадцатого дня рождения температура воздуха резко опустилась, ознаменовав начало более холодной, чем обычно, зимы. Дневные температуры редко поднимались выше нуля. На этот раз перспектива работы в жаркой пекарне казалась более чем соблазнительной. Я крутил педали энергичнее, чем прежде, стараясь держаться поближе к белым линиям у обочин, чтобы несколько обезопасить себя в отсутствие уличного освещения.

Я добрался до пекарни, чтобы отыскать Фрица, теперь уже вполне состоявшегося пекаря. Он работал один. Как обычно, мы обменялись рукопожатиями.

– Где хозяин? – спросил я.

Фриц рассмеялся:

– А его-то как раз забрали в числе первых. В вермахт.

Фрау Глазер сказала, что он назначен в военную пекарню где-то за городом.

– Интересно, когда настанет наша очередь, – размышлял я вслух.

– Кто знает? Но потеря старика Глазера – это для нас дурные вести. Как-никак, на одну пару рук меньше. Мне кажется, эта война – дело слишком серьезное. Попомни мои слова, Эрвин: бомбы, которые взорвались на Ландсбергерштрассе, – это только цветочки. Ты видел, что там произошло?

– Да, я ходил туда с родителями на выходные. Там собрались большие толпы, но ничего толком рассмотреть было нельзя – разве что несколько сбитых с крыши черепиц. Да еще полицейские собирали сброшенные с самолета листовки.

С приближением рождественских праздников работы в пекарне прибавилось, как никогда. И к тому времени, когда нужно было все чистить и убирать в конце дня, запах свежеиспеченного хлеба выворачивал мне наизнанку все внутренности.

– Хорошо потрудился, парень, – с поддельным американским акцентом сказал Фриц. До недавнего времени он частенько ходил в кинотеатр на Потсдамерплац, где крутили американские фильмы. Однако рейхсминистр Геббельс положил этому конец, объявив такое кино слишком чуждым

для арийских глаз.

– Увидимся завтра, – сказал я, поворачиваясь к двери.

Когда моя рука уже сжимала дверную ручку, Фриц тихо позвал меня:

– Эрвин...

Я остановился, слегка приоткрыв дверь, нетерпеливо ожидая, когда мне наконец удастся вырваться из пекарни и застать хоть кусочек дневного света в этом холодном декабре.

– Эрвин, – повторил он, – ты ведь еще не слышал важных новостей.

Тон его голоса был почти музыкальным, но вместе с тем полон иронии.

– Каких еще новостей?

– Завтра мы приступаем к работе в три часа утра...

Бедняга Фриц был всегда так занят, что у него порой даже не было времени сходить домой. Некоторое время я тоже ночевал в пекарне, но это меня так доконало, что дальше так продолжать я не мог. Чтобы добираться до работы вовремя, я теперь должен был уговаривать свое утомленное тело отрываться от постели без четверти два. И так продолжалось вплоть до одного весеннего утра, когда я, приехав на работу, с удивлением обнаружил там господина Глазера, который уже замешивал тесто для булочек.

– Доброе утро, Эрвин, – приветствовал меня герр Глазер, указывая на свои ноги, – кажется, они все-таки не приучены

для армейских сапог.

Мои сомнения относительно того, говорит ли правду господин Глазер, ссылаясь на проблемы с ногами, рассеялись, а перспектива более короткого рабочего дня немедленно подняла мне настроение. И точно: в конце того же дня господин Глазер объявил:

– Завтра начинаем работу в 4:00 – и продолжаем до тех пор, пока не оформим все заказы.

Несколько недель спустя, как будто для того, чтобы восполнить потерю в лице господина Глазера, вермахт призвал в свои ряды Фрица. Когда я вернулся домой тем же вечером, мое лицо, должно быть, было мрачнее тучи.

– Чем это ты озабочен, Эрви? – спросила мама.

– Фрица забрали в армию – и завтра мы опять приступаем в 3:00 утра. – С этими словами я бессильно плюхнулся в отцовское кресло, уже придвинутое поближе к печи. – Мама, я уже по горло сыт проклятыми булками!

– Но ведь это вполне достойное занятие, Эрви, – укоризненно заметила она. – Да к тому же ты привык к долгому рабочему дню.

Я утешал себя мыслью о том, что по субботам вечером я все еще был в состоянии встретиться с лучшими друзьями – Хорстом Мушем и Гюнтером Шмидтом. Вместе мы были «три мушкетера», одноклассники, которые стали неразлучны с первых дней учебы в школе. Муш умел здорово рисовать и устроился учеником к одному художнику-графику.

Шмидт работал на рейхсбане, Германской государственной железной дороге. Большинство суббот мы проводили в «Театре Плаза», где играли варьете. Иногда мы пробовали закрутить с местными девочками, но все наши заигрывания оказывались не слишком успешными.

Глава 3

Претендент

Летом 1940 года «Лейбштандарт»⁸ проводил вербовку новобранцев. Разочарованный и совершенно разбитый долгой и изнурительной работой в пекарне, я зашел в здание военного министерства на Бендлерштрассе и взял бланк заявления. В нем нужно было указать альтернативные варианты прохождения воинской службы на тот случай, если претендент не сможет соответствовать квалификационным требованиям элитного подразделения Гитлера. Мой брат Хорст, который уже служил телефонистом люфтваффе в министерстве авиации, советовал мне в качестве второго варианта называть части зенитной артиллерии люфтваффе. Я аккуратным почерком заполнил бланк и через неделю получил предписание явиться в зал на Александерплац для медицинского осмотра.

В солнечный июньский день я направился в зал, где ранее взял несколько уроков бальных танцев в надежде когда-нибудь произвести впечатление на будущую подружку. В зале находилось еще около сотни юношей. Возраст большинства из них составлял 16 или 17 лет, хотя некоторые были явно

⁸ В описываемое время – усиленный моторизованный полк, к концу 1940 г. – моторизованная бригада.

старше. К нам протиснулся унтершарфюрер из «Лейбштандарта», и с его помощью мы выстроились в ровные шеренги. Зал погрузился в тишину, когда на сцене появился старший офицер в безупречном мундире.

– Снимите одежду, завяжите ее в узел и поставьте у ног, – громко объявил офицер.

Публичное раздевание донага было для меня чем-то новым. Я почувствовал прилив крови к щекам, когда покосился на других потенциальных новобранцев, некоторые из которых все еще стояли в трусах.

– Повторяю: всю одежду – всю! – рявкнул унтершарфюрер. – И нечего пялиться друг на друга – здесь вам не конкурс красоты, черт вас побери! Вам отдан приказ, извольте выполнять!

Офицер покинул сцену и начал осмотр. Клянусь, я почти физически ощущал, как его глаза тщательно исследуют каждый дюйм моей голой плоти, когда он проходил у меня за спиной. Парень, стоявший рядом, слегка дернулся вперед.

Закончив осмотр, офицер объявил:

– Те из вас, кого похлопали по плечу, свободны и могут уйти. Не забудьте подстричься, прежде чем предпримете еще одну попытку.

Волна надежды и некоторого облегчения подняла мне настроение; выходит, я преодолел первый этап отбора и мог помечтать о том, что занудная работа в пекарне скоро закончится. Затем начался настоящий осмотр. Врач измерил

окружность моей груди, спросил о перенесенных ранее болезнях и каждый ответ тщательно зафиксировал в своем журнале. Затем, все еще голый, я должен был оттянуть крайнюю плоть, чтобы дать возможность врачу обследовать мой член. Да уж, признаться, не такого осмотра я ожидал, когда прокручивал в голове предстоящий путь в «Лейбштандарт». Задавая бесконечные вопросы, офицер изучил все стороны моей жизни, чтобы удостовериться, что у меня нет связей с евреями.

– А почему вы хотите вступить в «Лейбштандарт»? – спросил он наконец.

– Потому что я – берлинец и высокого роста, – ответил я с юношеской наивностью.

В снежный январский день 1941 года пришло письмо из военного министерства. Мать наблюдала, как дрожащими пальцами я вскрыл коричневый конверт. Пока я читал, кровь отхлынула от моего лица. Я не мог скрыть своего разочарования.

– Что там пишут, Эрви?

– Люфтваффе, мама... зенитная артиллерия.

– Так это же хорошо, Эрви. Твой отец будет счастлив.

Он очень волновался, думая, что тебя заберут в «Лейбштандарт». Их ведь всегда бросают в самое пекло боев.

Но я быстро оправился от разочарования и бросился к двери.

– Куда ты, Эрви?

– На призывной пункт, мама. Должно быть, произошла ошибка...

Добравшись до призывного пункта, я увидел, что в приемной полно народу. Я покорно занял место в медленно движущейся очереди. Дежурный офицер спросил меня о причине явки, и я рассказал ему всю историю с получением призывных документов из люфтваффе. А потом произошло нечто совершенно неожиданное. В кабинет вошел сам рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер, по сути, второй по популярности человек в Германии. Он остановился, обменявшись несколькими словами с людьми, стоявшими в очереди. К моему удивлению, он спросил, где я живу и хочу ли стать новобранцем «Лейбштандарта». Исполненный надежды, я не удержался и сбивчиво рассказал ему все, добавив, что в призывной комиссии меня, видимо, по ошибке записали в подразделение зенитной артиллерии.

– Хорошо, посмотрим, что можно сделать, – сказал он мне, прежде чем удалиться в соседний кабинет.

Я уже почти смирился с тем, что придется носить голубой мундир люфтваффе, когда Гиммлер вновь появился и направился прямиком ко мне.

– Не волнуйтесь. Скоро вас известят о принятом решении, – сказал рейхсфюрер.

В моей душе вновь загорелась надежда...

В феврале 1941 года поступили призывные документы из «Лейбштандарта». Я был вне себя от радости, понимая, что с проклятой пекарней скоро будет покончено и что с этого времени жизнь моя принимает куда более захватывающий оборот. Специальные радиовыпуски один за другим вещали о наших новых военных успехах. Что мне было терять? Я отчаянно пытался сыграть свою собственную небольшую роль в достижении «Endsieg», нашей окончательной и неизбежной победы...

Я чувствовал себя студентом, который только что получил заветное место в элитном университете, и в каждом моем шаге – несмотря на хмурое небо – играла весна, когда утром 1 мая 1941 года я шел по Финкенштейн-аллее. Я остановился на мгновение перед главными воротами к казармам, чтобы еще раз полюбоваться «Ewigen Rottenführer» (Вечными оберефрейторами). Приблизительно в 4 метра высотой, эти статуи производили внушительное впечатление. Я глубоко вдохнул, прежде пройти внутрь. Часовой у ворот коротко кивнул, как бы приветствуя меня в совершенно новом для меня мире. Направившись к сборному пункту, я присоединился к новобранцам, столпившимся перед четырьмя центральными столбами главного здания. Выше, на парапете, красовалась надпись: «ЛЕЙБШТАНДАРТ СС АДОЛЬФ ГИТЛЕР». Над парапетом высилась огромная статуя орла с наполовину распушенными крыльями. Орел, застывший в

грозной позе, словно проверял, насколько силен ветер, и зорко осматривал свои владения. Теперь-то наконец я смог поверить, что мои дни в пекарне закончились, и вот-вот начнется мое превращение в солдата самого элитного формирования Германии.

Пока я с другими новичками томился в нетерпеливом ожидании, откуда ни возьмись появился солдат в бриджах для верховой езды. Единственный серебристый квадратик на темном «зеркале» его погона означал, что перед нами унтершарфюрер.

– Меня зовут Смеющийся Дьявол, – прокудахтал он, пошевелив перед лицом устрашающе длинными пальцами, словно дирижируя невидимым оркестром. – На сегодня я ваш дежурный унтер-офицер. Следуйте за мной.

Дежурный унтер-офицер препроводил нас в большой спортивный зал, где пахло свежим воском. В центре зала был боксерский ринг, а возле стен был разложен различный спортивный инвентарь. Почти час мы бродили вокруг, застенчиво поглядывая друг на друга. А потом Смеющийся Дьявол вернулся, чтобы проводить нас в столовую, где нас накормили бутербродами с колбасой. После еды мы возвратились в спортивный зал, где офицер объяснил нам правила поведения в казармах. Нам раздали одеяла, и внезапно прозвучала команда «Отбой». Я и еще две сотни других взволнованных юношей, явившихся в этот знаменательный для нас день на сборный пункт, улеглись прямо на полу. Но многие, в том

числе и я, едва ли смогли сомкнуть глаза...

Ровно в 7:00 появился Смеющийся Дьявол, который показал нам, где находятся уборные.

– Всем побриться и тщательно привести в порядок ногти. Когда с мытьем будет покончено, вас распределят по взводам и казармам.

1-й взвод составляли самые высокие ребята, настоящие великаны, рост которых был не менее 190 сантиметров. С моими 186 сантиметрами я попал во 2-й из четырех взводов, расквартированных в блоке «Герман Геринг». Вообще, четыре взвода носили имена выдающихся деятелей рейха. В спальные помещения на верхнем этаже вели три лестницы. Подниматься наверх можно было по левой и средней лестницам, в то время как третья клетка служила только в качестве выхода. Это, объяснил Смеющийся Дьявол, сделано во избежание беспорядка, на случай внезапной команды немедленно покинуть казармы. В каждой комнате было по шесть двоянных коек. Между ними стояли металлические шкафчики.

– Шкафчики оставлять открытыми! Военнослужащий «Лейбштандарта» – человек честный и заслуживает всяческого доверия, – пояснил Смеющийся Дьявол. – Он никогда не позарится на вещи у своего товарища по оружию. Верность и честь – вот ваши руководящие принципы. Отныне и навсегда. Свою форму вы будете хранить в особом порядке – сначала шинель, потом первая униформа, вторая униформа

и сверху – тренировочный костюм. Тренировочный костюм будет вашей одеждой на время тренировок. Место в нижней части шкафчика предназначено для хранения обуви. Одна пара – для ношения во время дежурств и вторая пара для тренировок.

И еще пара ботинок, которая всегда должна быть чистой. В верхнем отделении шкафчика вы развесите свои рубашки и нижнее белье. Каски и вещмешки хранятся на самом верху. Ремни и шнурки должны быть развешаны на крючках на оборотной части дверцы. Наконец, слева еще есть немного места, где можно хранить хлеб, масло и прочую еду. В этой части шкафчика вы также складываете тарелки, столовые приборы и кружки. И помните – я ежедневно проверяю, чтобы убедиться, что все содержится в чистоте и лежит на своем месте.

Позже в тот же день мы забрали на складе у интенданта свою одежду и постарались вспомнить перечень инструкций, который нам сообщил Смеющийся Дьявол. Я с благоговением рассматривал надпись «Адольф Гитлер», вышитую серебряными нитями на манжете левого рукава моего кителя.

На следующее утро мы явились на медосмотр, на котором врачи определили, у кого какая группа крови. У меня оказалась группа крови I (0). Врач нацарапал «0» скальпелем на изгибе моей левой руки, около подмышки. Эта отметина все еще различима, несмотря на то, что с тех пор прошло больше семидесяти лет.

Я получил солдатскую книжку и алюминиевый жетон; и на том, и на другом было краткое обозначение моей части: 17. Kompanie Nummer 15 0 SS Verfügungs Tuppe. У эллиптического жетона было три разреза посередине, вдоль длинной оси. Это позволяло быстро и легко отломить половину жетона, в то же время оставив другую половину на шее погибшего солдата, личность которого иначе установить было бы трудно. Конечно, мой еще очень юный разум не заикливался на таких ужасных вещах...

Обучение с самого начала было серьезным. На первой перекличке новобранцев приветствовал лично наш командир роты оберштурмфюрер Ганс Бекер. Несмотря на то что 1941 год еще не перевалил за половину, Бекер к тому времени уже был опытным боевым командиром, который воевал в Польше, во Франции и Греции.

Затем инструкторы проверили у нас ногти, обувь, внимательно осмотрели лица, чтобы на них не было и следов запыщенной щетины, проверили, достаточно ли коротко мы подстрижены и содержим ли в чистоте носовые платки. Они открыли наши ранцы, чтобы проверить принадлежности для умывания, зубные щетки и прочие вещи, которые нам понадобятся на действительной службе. Наконец, офицер объявил нам пароль на текущий день.

В течение последующих нескольких недель проводились бесконечные тренировки и учения, после чего нашу роту

объединили еще с одной и сформировали 5. Wachbataillon Berlin – подразделение для несения караульной службы внутри города и за его пределами. Жизнь новобранца пришлась мне по душе, и должен признать, что последующие месяцы стали одними из самых счастливых в моей жизни. Хотя к тому времени, когда объявляли отбой, я зачастую оказывался совершенно измотан и, возможно, был ближе к тому, чтобы заплакать, а не рассмеяться...

Четыре раза я стоял часовым на южном конце Лихтерфельде, неподалеку от транспортных мастерских и от клетки, в которой жил бурый медведь. Этот зверь был подарком «Лейбштандарту» во время недавней кампании в Греции, и за ним было иногда забавно наблюдать. В другом случае я нес службу в штаб-квартире группенфюрера СС Лео фон Йены, очень высокопоставленного и награжденного многочисленными медалями и орденами офицера, весьма типичного представителя плеяды ветеранов Первой мировой войны. Когда звонили в дверной звонок, я открывал дверь и проверял документы каждого посетителя, внося их фамилии в журнал – даже если бы это был лично фон Йена. Таковы были инструкции, и я выполнил их все без исключения. Лишь дважды расписание моих дежурств предусматривало несение караульной службы в садах рейхсканцелярии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.